

Автобиография

Бенджамина Франклина

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Бенджамин Франклин

АВТОБИОГРАФИЯ

Иллюстрированное издание

Бенджамин Франклин (1706–1790) — один из отцов-основателей США, политический деятель, дипломат, бизнесмен, ученый, писатель, журналист, издатель. Он был тем, кто скрепил своей подписью Декларацию независимости США, Конституцию США и Версальский мирный договор 1783 года, который формально завершил войну за независимость тринадцати британских колоний в Северной Америке от Великобритании. Это три основные документа, на которых выстраивались Соединенные Штаты Америки.

Франклин был 15-м ребенком в семье, и, казалось, что его жизнь определена наперед. Однако ему удалось пройти путь от помощника продавца сальных свечей до почитаемого государственного деятеля.

«Автобиографию» Бенджамин Франклин задумал как рассказ сыну о семье и, собственно, о своем жизненном пути и опыте. Он не собирался ее публиковать. Однако, впоследствии появилось желание вынести этот рассказ на широкую публику, чтобы объяснить молодым людям, что такое добропорядочная жизнь и настоящий успех и как его достичь.

«Автобиография» — одно из крупных и наиболее известных произведений Франклина; была начата Франклином в 1771 году в Англии и писалась в течение многих лет. Как видно из писем, Франклин намеревался писать «Автобиографию» до конца жизни, но общественно-политическая деятельность и пошатнувшееся в последние годы здоровье помешали осуществлению задуманного. Поэтому «Автобиография» заканчивается сообщением о прибытии Франклина в Лондон в июле 1757 года, куда он был послан провинциальным собранием Пенсильвании в качестве уполномоченного.

Первая часть «Автобиографии» написана в форме письма к сыну — Вильяму Франклину (будущему губернатору Нью Джерси).

«Автобиография» впервые вышла в свет во французском переводе в 1791 году, после смерти Франклина.

«Автобиография» — увлекательная история жизни реального человека, написанная им самим искренне, без прикрас.

Перевод Натальи Ивановой.

Содержание

- [I. Родословная и ранняя молодость в Бостоне](#)
- [II. Начиная жизнь печатника](#)
- [III. Приезд в Филадельфию](#)
- [IV. Первый визит в Бостон](#)
- [V. Первые друзья в Филадельфии](#)
- [VI. Первый визит в Лондон](#)
- [VII. Начало бизнеса в Филадельфии](#)
- [VIII. Успех в бизнесе и первая государственная служба](#)
- [IX. План достижения морального идеала](#)
- [X. Альманах Бедного Ричарда и другие вещи](#)
- [XI. Интерес к гражданским делам](#)
- [XII. Защита провинции](#)
- [XIII. Государственная служба и общественные дела \(1749-1753\)](#)
- [XIV. План союза Олбани](#)
- [XV. Ссоры с собственниками \[61\]](#)
- [XVI. Экспедиция Бреддока](#)
- [XVII. Франклин защищает границы](#)
- [XVIII. Научные эксперименты](#)
- [XIX. Представитель Пенсильвании в Лондоне](#)

I. Родословная и ранняя молодость в Бостоне

Дорогой сын! Мне всегда было интересно по крупицам собирать сведения о моих предках. Возможно, ты помнишь, как я разыскивал оставшихся в живых своих родственников, когда ты был со мной в Англии, и то, что путешествие это я предпринял с целью расспросить их. Предполагая, что многие из неизвестных тебе обстоятельств моей жизни могут также быть интересными тебе, и ожидая неделю наслаждения не прерываемого делами досуга в стране моего нынешнего пристанища, я сажусь за рассказ о них. К этому меня побуждают и другие причины. Пройдя путь из бедности и безвестности, в которых я родился и вырос, к некоторому богатству и влиянию, я завоевал выдающуюся репутацию в мире, а также продвинулся так далеко на жизненном пути благодаря большой удаче и использованным мною средствам, посланным провидением – слава Богу, все это замечательно сработало – надеюсь, что потомкам пригодятся мои советы, ведь они, вероятно, могут однажды оказаться в похожей ситуации, следовательно, смогут ими воспользоваться.

Когда я думаю об удаче, иногда мне хочется сказать, что если бы у меня был выбор, то я бы не отказался прожить свою жизнь еще раз и просил бы только об исправлении во втором ее издании некоторых ошибок первоисточника. Тогда можно было бы, кроме исправления ошибок, заменить некоторые неудачные случаи и события на благоприятные. Но если бы мне в таких изменениях отказали, я бы все равно принял предложение сызнова прожить ту же жизнь.

Следовательно, принимая во внимание, что такое повторение мне не представится, наиболее доступная возможность прожить свою жизнь еще раз у меня есть благодаря воспоминаниям, а чтобы сделать эти воспоминания более живыми и максимально долговечными, я должен их записать.

Таким образом, я потворствую известной для старого человека склонности говорить о себе и своем прошлом, но не хочу надоедать тем, кто чувствовал бы себя обязанным выслушивать меня из уважения к моему преклонному возрасту. У тех же, кто имеет дело с записками, есть выбор: читать их или нет. И последнее (я должен признаться в этом, ведь иному все равно никто не поверит), наверное, я должен в известной мере удовлетворить свое тщеславие.^[1] Действительно, как-только я вижу или слышу слова вроде: «Безо всякого умысла на хвастовство, должен сказать...» – как сразу за этим следуют какие-то тщеславные изложения. Большинство людей ненавидят тщеславие в других, даже если обладают им сами; но я отдаю ему должное, всякий раз сталкиваясь с ним, поскольку убежден, что оно зачастую может быть полезным для человека, обладающего им, равно и для его окружения; а следовательно, во многих случаях не было бы излишним

поблагодарить Бога за свое тщеславие, так же, как за другие блага нашей жизни.

А теперь, помянув Господа, я хотел бы со всем смирением признать, что обязан своим счастьем Его доброму провидению, которое привело меня к моим достижениям и успехам. Вера в это пробуждает во мне надежду, что такая же благодать будет сопровождать меня, умножая это счастье, или даст возможность мне преодолеть роковые неудачи, которые могут встретиться мне так же, как и другим; будущая судьба известна только Ему одному, в его воле благословить нас даже на наши страдания.

Заметки одного моего дяди (который имел такой же интерес к сбору наших семейных историй), попавшие однажды в мои руки, помогли получить информацию относительно наших предков. Из этих записок я узнал, что наша семья жила в одном и том же поселении Эктон в Нортгемптоншире, в течение трехсот лет. А может, и больше – он не знал, сколько. Возможно, еще с тех пор, когда имя Франклин, которое ранее означало принадлежность к классу землевладельцев, люди начали брать себе в качестве фамилии, когда фамилии начали использоваться во всем королевстве. Семья имела надел размером около 30 акров, который вряд ли мог прокормить всех. Потому они занимались кузнечным делом: старший сын всегда учился этому делу; данная традиция передавалась старшим сыновьям и дошла до дядюшки и моего отца. Когда я просмотрел церковные книги в Эктоне, то нашел записи о рожденьях, свадьбах и похоронах только начиная с 1555 года, увы, никаких записей о предыдущем периоде в том приходе не было. Из того реестра я узнал, что был младшим сыном младшего из сыновей, который, в свою очередь, был младшим – и так на протяжении пяти поколений. Мой дед Томас родился в 1598 году, жил в Эктоне, пока не стал старым для ведения дел, и

переселился к своему сыну Джону, красильщику из Банбери, что находится в Оксфордшире, а моего отца определил к дяде подмастерьем. В Банбери умер и похоронен мой дед. Мы видели его могилу в 1758 году. Его старший сын Томас жил в родовом доме в Эктоне и оставил его вместе с землей своему единственному ребенку – дочери, которая со своим мужем Фишером из Веллингборо продала его мистеру Истеду, нынешнему хозяину того имения. У моего деда было четыре сына, которые достигли зрелого возраста: Томас, Джон, Бенджамин и Джосайя. Я расскажу тебе о них все, что помню из моих бумаг, и если они не потеряются в мое отсутствие, то в них ты найдешь еще больше подробностей.

Томаса отец обучал на кузнеца; но, будучи толковым и способным к обучению (такими были все мои братья), он, поощряемый эсквайром Палмером, тогда первым джентльменом в приходе, решил стать адвокатом, и действительно стал значительным лицом в своей округе. Он был деятельным участником всех значимых начинаний в графстве и в городе Нортгемптон, не говоря уже о родной деревне, в которой со всеми был связан; ему во многом содействовал и покровительствовал тогдашний лорд Галифакс. Он упокоился 6 января 1702 года по старому стилю,^[2] ровно за четыре года до моего рождения. Рассказы некоторых стариков из Эктона, описывавших его жизнь и характер, помнится мне, поразили тебя удивительным сходством с тем, что ты знаешь обо мне. «Если бы он умер в день вашего рождения, – сказал ты, – можно было бы твердить о переселении душ».

Второй дядя, Джон, обучился красильному делу, если я не запомнил, он стал красильщиком шерсти. Бенджамин же обучился красить шелк в Лондоне. Он был нерядовым человеком. Я хорошо его помню, ведь

когда я был мальчиком, он приезжал к отцу в Бостон и жил несколько лет в нашем доме, а я стал его крестником. Дядя дожил до очень почтенного возраста. Его внук, Самюэль Франклин, живет теперь в Бостоне. Дядя оставил после себя два тома своей собственной поэзии, состоящей из коротких стихов-посвящений, адресованных друзьям и знакомым, один такой образец прислали мне.^[3] Он придумал собственный метод стенографии, которому обучил и меня. Однако, не имея возможности практиковаться, я все забыл. Меня назвали в честь этого дяди, поскольку мой отец был особенно расположен к нему. Он был очень набожным, часто ходил на проповеди лучших проповедников, которые записывал своим методом стенографии: таких записей у него было много томов. Он также интересовался политикой, вероятно, даже чересчур для его положения. Недавно в Лондоне в мои руки попала собранная им коллекция памфлетов, посвященных государственной политике – с 1641 по 1717 год. Многих томов, как видно из нумерации, не хватает, но осталось все же восемь больших фолиантов и двадцать четыре малых томиков. Их нашел букинист и, зная меня по моим у него покупкам, отдал их мне. Мне кажется, дядя оставил их в Лондоне, когда отправился в Америку, то есть примерно 50 лет назад. Там есть много его пометок на полях.

Наша незнатная семья примкнула ещё к ранней Реформации, и продолжила выступать за протестантов во время правления королевы Марии, иногда подвергаясь опасности из-за своего упорного противостояния папизму. В семье была английская Библия и, чтобы безопасно скрыть и ее, они прикрепляли ее при помощи лент снизу сиденья низенького резного табурета. Когда мой пра-пра-прадедущка читал ее своей семье, он переворачивал

табурет себе на колени и листал страницы под лентами, крепившими Книгу. Кто-то из детей стоял в дверях, чтобы предупредить о появлении пристава – чиновника духовного суда. В таком случае табурет переворачивали назад на ножки, и Библия оставалась в тайнике. Эту историю мне рассказал дядя Бенджамин. Моя семья оставалась прихожанами англиканской церкви до конца правления Чарльза II, когда некоторых священников изгнали за противостояние государственной церкви и за проведение тайных религиозных собраний в Нортгемптоншире, дядя Бенджамин и мой отец Джосайя примкнули к ним и остались верными до конца своей жизни, а остальные члены семьи оставались в лоне епископальной церкви.

Джосайя, мой отец, женился рано и перевез свою жену с тремя детьми в Новую Англию где-то в 1682 году. Собрания религиозных неконформистов в Англии были запрещены законом, на них часто совершали нападения, что заставило некоторых уважаемых людей из окружения отца переехать в другую страну, где они надеялись получить свободу вероисповедания; они со временем убедили и отца сделать то же самое. Его жена родила там ему еще четверых детей, а вторая родила еще десять. Всего у него было семнадцать детей. Я помню, как тринадцать из них сидели все вместе за его столом, все они выросли и создали семьи. Я родился в Бостоне, в Новой Англии^[4] и был младшим из сыновей. Моя мать – вторая жена Джосайи, Абия Фолгер, дочь Питера Фолгера, одного из первых поселенцев Новой Англии, почетное упоминание о котором сделано Коттоном Матером^[5] в его церковной истории этой страны «*Magnalia Christi Americana*». Он назвал его «Набожным, ученым англичанином», если мне не изменяет память. Я слышал, что он писал время от времени различные маленькие произведения, но

только одно из них было напечатано, его я увидел много лет спустя. Его строки о том времени и людях той эпохи были написаны в 1675 году и адресовались людям, находившимся у власти. Это стихи в защиту свободы совести и баптистов, квакеров и других сектантов, которых преследовали; он рассматривал индейские войны и другие страдания, постигшие страну, как плату за гонения и как Божью кару за такой большой грех. В своих строках он призывал отменить эти немилосердные законы. Стихи показались мне созданными с бесстрашной откровенностью и проникновенной простотой. Я помню шесть заключительных строк, хотя две первые строфы я забыл; но они были о том, что его призывы продиктованы доброй волей, и, следовательно, он является их автором.

Потому что всем сердцем своим ненавижу
Быть клеветником,
Вот вам имя мое -
Я из Шернбура, где и теперь живу,
Ваш искренний друг,
Питер Фолгер.

Все мои братья пошли в подмастерья к разным ремесленникам. А меня в восемь лет отправили в грамматическую школу, поскольку отец собирался посвятить меня службе в церкви в качестве десятины^[6] от своих сыновей. Моя ранняя охота к чтению (я, вероятно, научился читать очень рано и не помню времена, когда не умел читать) и мнение его друзей, что из меня должен получиться хороший ученик, подтолкнули его к этой идее относительно моей будущности. Так же думал и мой дядя Бенджамин. Он предложил отдать мне все его томики со стенограммами проповедей - на будущее, если я овладею стенографией.

Менее, чем за год я продвинулся из середнячков на первое место и меня перевели в следующий класс, а к концу года должны были перевести в третий. Но мой отец, учитывая стоимость образования в школе, да при такой большой семье, не мог платить до завершения образования. А учитывая малообеспеченную жизнь образованных людей (так он говорил друзьям), он изменил свое первоначальное решение и забрал меня из грамматической школы, чтобы отдать в школу письма и арифметики, которую содержал известный тогда человек, мистер Джордж Браунелл – в целом очень успешный педагог. Браунелл вел обучение мягко и всячески поощряя меня. Под его руководством я очень быстро научился хорошо писать, но начисто завалил математику и ничуть в ней не продвинулся. В десять лет меня забрали домой помогать отцу в его делах – изготовлении свечей и мыловарении. Этому делу его не обучали, но он сам его выбрал, когда приехал в Новую Англию и понял, что его торговля красителями здесь мало нужна и не поможет ему содержать семью. Меня пристроили нарезать фитиль для свечей, заполнять формы для литых свечей растопленным воском, ходить в магазин и по другим поручениям, и тому подобное.

Это ремесло мне было не по душе, зато я испытывал сильную тягу к морю, но мой отец выступал против этого. Живя у моря, я любил все, что связано с водой: рано научился хорошо плавать и править лодкой. И когда я оказывался в лодке или каноэ с другими мальчиками, мне обычно доверяли рулить, особенно в случае каких-либо трудностей; в других ситуациях я обычно также был лидером среди юношей и иногда втягивал их в неприятности, об одной из которых расскажу, ведь она демонстрирует раннее проявление общественного духа, хотя и неправильно тогда примененное.

За мельничным прудом был солончак, на краю которого во время паводка мы, бывало, ловили пескарей. Топчась там постоянно, мы превратили его в болото. Я предлагал построить на этом месте нечто вроде пирса, который мог бы выдерживать нас всех, и показал своим друзьям находившуюся недалеко от солончака большую кучу камней, предназначенную для строительства нового дома (эти камни прекрасно подходили для наших нужд). Итак, вечером, когда рабочие ушли, я собрал немало своих товарищей по играм и, усердно работая, словно муравьи (иногда мы таскали один камень вдвоем или втроем), мы перенесли их все и построили наш маленький пирс. На следующее утро рабочие с удивлением обнаружили, что камня нет и весь он использован для нашего пирса. Конечно, мы были разоблачены, на нас пожаловались и потребовали разобрать наше сооружение. Некоторые из ребят получили нагоняй от родителей и, несмотря на то что я отстаивал полезность нашей работы, мой отец заверил меня, что ничто не может служить во благо, если оно сделано нечестно.

Думается, тебе интересно было бы узнать кое-что о личности и характере моего отца. У него было среднее, но отличное телосложение, превосходное здоровье и большая физическая сила. Он был быстр умом, умел хорошо рисовать, был немного обучен музыке и обладал чистым приятным голосом, когда он играл на скрипке псалмы, подпевая себе, как он иногда делал по вечерам после рабочего дня, слушать его было одно удовольствие. Так же хорошо он умел работать руками, был неплохим механиком и, если это было нужно, очень хорошо управлялся с инструментами разных ремесел; но его самым большим талантом было то, что он глубоко разбирался в сути и правильно судил о спорных вопросах, как в частных, так и в общественных делах.

В последнем, правда, ему никогда не довелось проявиться, ведь содержание большой семьи и стесненные обстоятельства не позволяли отвлекаться от ремесла; но я хорошо помню, как часто посещали нас выдающиеся люди, спрашивали его мнения о городских и церковных делах. Они с большим уважением прислушивались к его суждениям и советам; с ним также часто советовались о своих затруднениях горожане, а также его часто выбирали арбитром в споре сторон. Так часто, как мог себе позволить, он любил принимать за своим столом достойного друга или соседа, беседовал с ним и всегда заботился о том, чтобы выбрать какую-нибудь интересную или полезную тему для разговора, обсуждение которой хорошо повлияло бы на развитие его детей. Таким способом он привлекал наше внимание к тому, что было добрым, справедливым и благоразумным в жизни; и мало или совсем не уделялось внимания за тем столом пище: красиво она подавалась или нет, сезонной была еда или не сезонной, вкусной или плохой, лучше или хуже было то или иное блюдо; и я был воспитан в таком безразличии к таким вещам, что мне было абсолютно все равно, какую пищу ставят передо мной. До сих пор я не придаю этому внимания, так что едва могу вспомнить, что у меня было на ужин, если меня спросить об этом через несколько часов после него. Это всегда оказалось весьма полезным для меня в путешествиях, в которых мои попутчики с развитыми вкусами и аппетитами иногда чувствовали себя очень несчастными из-за невозможности вкушать более деликатную пищу.

У моей мамы также было отличное сложение и отменное здоровье: она вскормила грудью всех своих десятерых детей. Я никогда не видел, чтобы мои отец и мать чем-то болели, кроме, собственно, тех болезней, от которых они скончались: он в возрасте 89 лет, а она в 85. Они лежат, похороненные вместе, в Бостоне, где я через несколько лет после их смерти поставил над их могилой мраморный памятник^[7] с такой надписью:

Джосайя Франклин и его жена Абия, погребены здесь.

Они жили в любви в супружестве пятьдесят пять лет.

Не имея поместья или больших доходов,

Постоянным трудом и прилежанием,

С Божьего благословения

Они содержали большую семью в достатке

И вырастили тринадцать детей и семеро внуков в благочестии.

Пусть их пример, читатель, подвигнет тебя к прилежанию,

И доверяй Провидению.

Он был набожным и рассудительным мужчиной;

Она - скромной и добродетельной женщиной.

Их младший сын,

В память о них

Поставил этот камень.

Дж. Ф., родился 1655, скончался 1744, в 89 лет

А. Ф. родилась 1667, скончалась 1752, в 85 лет

Из-за моих беспорядочных отступлений от нити повествования я чувствую, что постарел. Когда-то я писал более методично. Впрочем, человек дома и на бал одевается по-разному. Это, пожалуй, лишь небрежность.

Итак, вернемся к нашему повествованию. Я помогал моему отцу в течение следующих двух лет, то есть пока мне не исполнилось двенадцать. А мой брат Джон, который сизмальства обучался этому ремеслу, оставив отца, женился и завел собственное дело в Род Айленде. Таким образом, мне суждено было наследовать отцовское дело и самому стать свечным мастером. Однако, моя нелюбовь к ремеслу не оставляла меня. Мой отец опасался, что если он не найдет мне дела по душе, я убегу и уйду в море, как, к его великому сожалению, поступил его сын Джосайя. Поэтому он иногда стал брать меня на прогулки по мастерским, чтобы показать за работой столяров, каменщиков, гончаров, медников и других в надежде пробудить мои склонности и направить их на какое-то ремесло на суше. Я же всегда с удовольствием наблюдал, как ловко мастера управлялись со своими инструментами, к тому же мне было полезно получить навыки, чтобы самому уметь делать небольшие починки в доме в случае, если не найду мастера, а еще чтобы конструировать небольшие механизмы для моих экспериментов: тогда намерение экспериментировать во мне было живым и горячим. Наконец мой отец решил пристроить меня к

изготовлению ножей. Самюэль, сын моего дяди Бенджамина, которого научили в Лондоне этому ремеслу, как раз обосновался в Бостоне, и меня отправили к нему на смотрины. Однако, Самюэль заломил такую цену за обучение, что расстроенный отец забрал меня домой.

II. Начиная жизнь печатника

С малолетства я был влюблен в чтение, и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, я всегда тратил на книги. Захваченный «Путешествием Пилигрима», я собрал свою первую коллекцию из сочинений Джона Баньяна в маленьких томиках. Затем я продал их, чтобы приобрести исторические произведения Р. Бертона. Это были небольшие и дешевые книжечки, что продают путешествующие торговцы,^[8] я заплатил за них всего 40 или 50 монет. Маленькая библиотека моего отца состояла главным образом из религиозных сочинений, большинство из которых я прочитал. Позже я жалел, что в то время, когда я чувствовал такую жажду к знаниям, мне не попали в руки более подходящие книги, ведь на тот момент уже было решено, что мне не быть священником. Одной из книг, которые я много раз перечитывал, была «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Я до сей поры считаю, что это было весьма для меня полезно. Там также была книга Дефо под названием «Опыт о проектах», и другая – доктора Мезера «Стремление к добру», которые, вероятно, повлияли на мой духовный склад и отразились на некоторых важных событиях моей будущей жизни.

Это тяготение к книгам подсказало моему отцу идею сделать из меня печатника, хотя один из его сыновей (Джеймс) уже занимался этим ремеслом. В 1717 году мой брат Джеймс вернулся из Англии с прессом и шрифтами, чтобы начать свой бизнес в Бостоне. Это ремесло нравилось мне гораздо больше, чем отцовское, но все же моя тяга к морю была еще сильнее. Чтобы предотвратить предполагаемые последствия этой тяги,

мой отец поспешил привязать меня к брату. Некоторое время я противился, но в конце концов меня убедили, и я подписал контракт на обучение, когда мне было всего двенадцать лет. Отныне я должен был служить учеником, пока мне не исполнится двадцать один год. Причем заработную плату подмастерья мне должны были платить только в последний год обучения. За короткое время я стал очень способным в этом деле и сделался правой рукой моего брата. Теперь у меня был доступ к лучшим книгам. А также знакомства с учениками книготорговцев, что давало возможность иногда одалживать книги, которые я непременно возвращал вовремя и в хорошем состоянии. Часто, когда я брал книгу накануне вечером и должен был вернуть ее утром следующего дня, я проводил большую часть ночи в своей комнате за чтением, чтобы успеть ее прочитать.

Как-то умный и образованный торговец мистер Мэтью Адамс, у которого была превосходная коллекция книг и который часто заходил в нашу типографию, заметил меня и пригласил посмотреть его книжное собрание, чтобы любезно предложить мне для чтения книги, выбранные мною. Теперь я увлекся поэзией и написал несколько небольших произведений; мой брат, думая, что от этого может быть выгода, поощрял меня и время от времени побуждал писать баллады. Одна из них называлась «Трагедия Маяка». То был рассказ о том, как утонул капитан Уортлейк вместе с двумя своими дочерьми. Другая была моряцкой песней о поимке знаменитого пирата Тича (он же «Черная Борода»). Это были убогие произведения, написанные в стиле Граб-стрит-баллад.^[9] И когда их напечатали, брат отправил меня в город продавать их. Первая продавалась очень хорошо, поскольку описывала событие, наделавшее много шума. Это раздуло мое

тщеславие. Однако, отец отбил у меня охоту, высмеяв мои произведения и сказав, что все стихоплеты обычно нищие. Так вот я и оставил стихосложение. Вероятно, я был бы плохим поэтом. Но, поскольку написание прозаических сочинений всегда в моей жизни было полезным занятием и стало главным средством моего успеха, я расскажу вам, как в сложившихся обстоятельствах приобрел свой небольшой талант.

В городе был еще один молодой книголюб по имени Джон Коллинз, которого я хорошо знал. Иногда мы пускались в рассуждения и очень любили поспорить, стремясь переубедить друг друга. Такая склонность к спорам, между прочим, способна превращаться в дурную привычку, часто делая людей абсолютно невыносимыми в компании других, которые не настроены всем противоречить. То есть, кроме того, что такая склонность отравляет и портит разговор, она разжигает противостояние и враждебность там, где могла бы возникнуть дружба. Я пристрастился к спорам, читая дискуссионные книги моего отца о религии. Впоследствии я наблюдал, что люди со здравым смыслом редко подвержены такому пристрастию, кроме юристов, преподавателей университетов и тех, кто получил образование в Эдинбурге.

Однажды в нашем с Колинзом диспуте возник вопрос об уместности образования женщин, и наличии у них способностей к обучению. Коллинз считал, что образование женщин неуместно и что женщины к нему не приспособлены по своей природе. Я защищал противоположную точку зрения, возможно, частично ради поддержания спора. Он был более красноречив, имел на вооружении большой словарный запас и иногда, как мне казалось, побеждал меня скорее своим красноречием, нежели силой аргументов. Когда однажды мы надолго расстались, не назначив следующую встречу, и я знал, что мы не скоро еще

увидимся, я сел, чтобы изложить свои аргументы в письме. Потом я их переписал набело и отправил своему другу. Он отписался, а я снова ответил. Мы отправили друг другу три или четыре такие письма перед тем, как мой отец случайно нашел нашу переписку и прочитал ее. Не слишком вдаваясь в дискуссию, он воспользовался возможностью поговорить со мной о манере моего письма. Он отметил, что, хотя я имел преимущество над своим оппонентом в правильности написания и пунктуации (чему я обязан работе в типографии), я уступал ему в образности языка, в системности и ясности изложения. В этом он убедил меня несколькими примерами. Я согласился с его замечаниями и поэтому стал внимательнее к вопросам стилистики и решил прилагать усилия для ее совершенствования.

Примерно тогда же мне попался третий номер «Спектатора».^[10] Я раньше никогда не видел ни одного из этих журналов. Купив его, я читал и перечитывал его и был в полнейшем восхищении. Тексты в этом журнале казались мне прекрасными, и мне хотелось, если это возможно, писать подобным образом. Окрыленный этой идеей, я взял некоторые статьи и, записав короткий пересказ каждого фрагмента текста, отложил записи на несколько дней. Затем, не заглядывая в журнал, попытался воссоздать статьи, воспроизводя каждый фрагмент на основе моего пересказа настолько полно, как в оригинальном тексте, подбирая выражения, которые казались мне уместными. Впоследствии я сравнивал мой рукописный «Спектатор» с оригиналом, находил некоторые свои ошибки и корректировал их. Однако, я понял, что необходимо иметь большой запас слов, быстро их вспоминать и использовать. Я считал, что должен научиться этому до того, как начну писать стихи, поскольку постоянная потребность в словах

похожего значения, но разной длины, подходящей под стихотворный размер или под разный ритм, породила бы постоянный поиск вариантов, а также необходимость твердо усвоить варианты, чтобы сделаться искусным в их использовании. Поэтому я брал прозаические истории и превращал их в стихи, а потом, когда достаточно забывал прозу, проделывал все обратно.

Также порой я произвольно перемешивал свои пересказы, а через несколько недель пытался воспроизвести их в наилучшем виде перед тем, как воспроизвести статью в целом. Это должно было помочь мне научиться упорядоченно излагать мысли. Сравнивая свою работу с оригиналом, я находил много огрехов и поправлял их. Однако, иногда мне было приятно представить, что в некоторых незначительных деталях мне даже удалось усовершенствовать изложение, и это позволяло думать, что я могу со временем стать неплохим английским писателем, ведь у меня были незаурядные амбиции. Единственное время, которое я мог посвятить этим упражнениям, была ночь, время после работы, или утром до ее начала, или по субботам в типографии, когда я уединялся, избегая, насколько это возможно, совместного посещения общинных богослужений, к которым меня привлекал отец в те дни, когда я находился на его попечении, и которые действительно считал своей повинностью. Хотя я и думал, что не могу, как мне казалось, позволить так транжирить свое время.

Когда в шестнадцать лет в мои руки попала книга, написанная Трионом, с рекомендациями растительной диеты, я решил перейти на нее. Мой брат, еще неженатый, вместо того, чтоб оставаться дома, уходил со своими учениками питаться в другую семью. Мой отказ от мяса приводил к неудобствам, и меня часто упрекали за такое обособление. По методу Триона я научился готовить некоторые блюда, такие, как вареный картофель или рис, простые пудинги и некоторые другие, а потом предложил моему брату давать мне еженедельно половину денег, которые он тратит на мое пропитание, чтоб я мог питаться самостоятельно. Он сразу же на это согласился, а я понял, что могу таким образом откладывать половину из того, что он мне платил. Это стало еще одним источником финансирования моих книжных приобретений. И в этом было еще одно преимущество. Когда мой брат и другие шли из типографии на обед, я оставался там один и, справившись со своей скромной

трапезой, которая часто состояла из всего-навсего одного бисквита или кусочка хлеба, горсти изюма или пирога из пекарни со стаканом воды, оставшееся время до их возвращения я посвящал обучению, довольно много успевая благодаря той ясности ума и быстрому восприятию, которым обычно мешают еда и питье.

А еще, устыдившись как-то своих пробелов в арифметике, которую я дважды завалил, учась в школе, я взял «Арифметику» Коккера и самостоятельно прошел ее всю с легкостью. Я также прочитал книги по навигации Стэрми и Селлера, это помогло мне немного понять геометрию, но я так никогда и не продвинулся в этой науке слишком далеко. А еще примерно тогда же я прочитал сочинение Джона Локка «Опыт о человеческом разумении»^[11] и «Искусство мышления», написанное джентльменами из Пор-Рояля.^[12]

С целью улучшить свою речь, я взялся за английскую грамматику (сдается мне, это была книга Гринвуда), в конце которой находились две маленькие статьи об искусстве риторики и логики, последняя заканчивалась образчиком метода сократовского диспута.^[13] Вскоре после этого я взялся за «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта, в которых приводится много примеров этого же метода, и был очарован этой книгой, освоил ее, отказался от своей привычки резко возражать и аргументировать, зато вооружился манерой деликатных вопросов. А потом, читая Шафтсбери и Коллинза, я сделался скептиком и укрепился в сомнениях относительно многих пунктов нашей религиозной доктрины и почувствовал, что этот метод самый безопасный для меня и очень затрудняет тех, против кого я его применял. Итак, постоянно практикуя метод, я наслаждался им, стал довольно искусным и остроумным в убеждении даже тех людей, которые были умнее меня. Я вынуждал их делать уступки,

последствий которых они даже не предполагали, заводил в затруднительное положение, из которого они не могли выпутаться, и таким образом заполучал победы, которых не заслуживали ни я лично, ни тезис, который я защищал. Я продолжал практиковать этот метод еще несколько лет, но постепенно оставил его, сохраняя лишь привычку выражаться средствами скромного сомнения. Когда я рассуждал о чем-то спорном, я никогда не использовал слова «безусловно», «несомненно» или любые другие, которые могли придать моему суждению вид непогрешимости. Я скорее говорил, что понимаю или чувствую вещь так или иначе; или: «мне кажется»; или: «я думаю об этом так то и так то по таким вот причинам»; или: «мне представляется, что это обстоит так»; или еще: «это именно так, если я не ошибаюсь». Эта привычка, как я полагаю, была моим большим преимуществом, когда мне представлялась возможность убеждать в моих взглядах и заручаться поддержкой людей в тех делах, которыми я занимался. А поскольку главное в любой беседе – это *поучать других или учиться самому, доставлять удовольствие или убеждать* в чем-либо, то я бы хотел, чтобы умные люди с благими намерениями не уменьшали силу воздействия своих доводов из-за запелляционной, заносчивой манеры говорить. Это почти неизменно вызывает отвращение у слушателей, настраивает их недоброжелательно и, одним словом, приводит к достижению целей, совершенно противоположных тем, для которых мы получили дар речи. Поскольку, если хотите знать, запелляционная и догматическая манера доказывать свою точку зрения может спровоцировать возражения и помешать принять ваше мнение. Ведь если вы хотите совершенствоваться и обогащаться знаниями вашего окружения, невозможно одновременно запелляционно выражать свои мысли. Скромные, рассудительные люди, которые

не любят ссор, вероятно, оставят вас наедине с вашими заблуждениями. И, разговаривая в такой манере, вам вряд ли придется рассчитывать на симпатию слушателей или на возможность убедить тех, с кем вы дискутируете. Поп справедливо заметил:^[14] «Людей нужно учить так, будто ты их не пытаешься учить. И представлять незнакомые вещи так, будто это подзабытые знания». Также он советует: «Говорить же надлежит уверенно, но с напускными сомнениями».

И, возможно, стоит продолжить эту мысль следующей строкой, по-моему, менее подходящей: «Ведь стремление к скромности – это стремление к здравому смыслу».

И если вы спросите, почему это менее подходящее? Я повторяю эти строки: «Нескромные слова непростительны. Ведь стремление к скромности – это стремление к здравому смыслу».

Так разве «недостаток ума» (если человеку так не повезло, что ему его не хватает) не извиняет некоторым образом «недостаток скромности», и не правильнее было бы читать эти строки так: «Нескромные слова можно извинить лишь тем, что нехватка скромности есть нехватка ума».

Окончательно разрешить эту проблему я, однако, оставляю компетентным лицам.

Мой брат в 1720 или в 1721 году начал выпускать газету. Это была вторая газета, появившаяся в Америке,^[15] она называлась «*New England Courant*». Единственная газета, существовавшая до нее – это «Бостон Нью Леттер». Я помню, как его друзья отговаривали брата от этого дела, поскольку оно не принесет успеха, ведь уже есть одна газета. Для Америки этого, по их мнению, было вполне достаточно. Сегодня (1771 год) газет в Америке уже больше двадцати пяти. Однако, он взялся за продвижение

своей идеи, а я, набрав текст и напечатав листы, разносил газету читателям.

Среди его друзей было несколько талантливых людей, которые развлекались написанием маленьких статей для издания, из-за чего его газета получила хорошую репутацию и пользовалась спросом. Эти джентльмены часто нас посещали. Слушая их разговоры и подхватывая мысли в ходе утверждения статей, я воодушевился идеей попробовать себя в их деле. Однако, я был еще мальчиком и думал, что мой брат не одобрит публикацию в своей газете моих сочинений, если узнает, что они мои. Поэтому я схитрил, скрыв свое авторство: написал анонимную статью и положил ее ночью под дверь типографии. Ее нашли утром, и друзья моего брата ознакомились с ней, собравшись вместе, как обычно они это делали. Прочитав и обсудив мою статью в моем же присутствии, они одобрили ее, чему я был несказанно рад. Это обсуждение сопровождалось различными догадками об авторстве статьи. Они перечисляли множество имен различных по остроумию и образованию мужей. Теперь мне кажется, что мне повезло с моими судьями, как и с тем, что они, вероятно, не были столь проницательны, как я о них думал.

Ободренный результатом, я написал и отправил тем же способом в печать несколько других статей, которые так же радушно приняли. Я сохранял свой маленький секрет, сколько мог. А когда уже не находил места от переполнявших меня чувств, раскрыл себя.^[16] Знакомые моего брата начали намного больше считаться со мной, что не очень ему нравилось. Брату казалось, вероятно, не без причины, что это взлелеет во мне гордыню. И это, наверное, единственная причина, по которой мы тогда спорили. Он был моим братом, но одновременно и моим хозяином, у которого я работал в подмастерьях, и

поэтому требовал от меня того же, что и от других, хотя иногда мне думалось противное: он чересчур многого от меня требует. Наши разногласия весьма часто приходилось решать отцу. И, мне кажется, то ли я чаще был прав, то ли просто лучше брата умел доказывать, но вердикты отца были чаще на моей стороне. Тогда мой брат становился вспыльчивым и часто меня бил, что меня совершенно не устраивало. Считая свое ученичество слишком скучным, я постоянно искал возможности его сократить. Через некоторое время такая возможность неожиданно представилась.

Одну из наших заметок в газете, написанная на какую-то политическую тему (теперь я уже и не помню, о чем именно), Ассамблея сочла оскорбительной. Брата арестовали, осудили и посадили в тюрьму на месяц вместо автора статьи. Я думаю, что брат не хотел выдавать имени своего автора. Меня также схватили и допросили перед советом. Несмотря на то, что мой допрос их не удовлетворил, они ограничились выговором и отпустили меня, полагая, видимо, что нечего взять с ученика, связанного клятвой верности со своим мастером.

Во время заключения моего брата, необычайно возмутившего меня несмотря на наши личные ссоры, я остался руководить газетой. И я решился напечатать несколько сатирических публикаций о наших властимущих лицах. Некоторые тогда начали смотреть на меня искоса, видя во мне молодой талант, выявивший склонность к наветам и сатире. Освобождение моего брата сопровождалось приказом Ассамблеи (удивительно странным), в котором говорилось, что «Джеймс Франклин больше не имеет права печатать «New England Courant».

В нашей типографии по этому поводу состоялось совещание брата с его друзьями относительно того, как быть в сложившейся ситуации. Некоторые предлагали

обойти приказ, изменив название газеты. Но мой брат, понимая, какие могут быть последствия, решил в конце концов, что лучше будет продолжать издавать газету от имени Бенджамина Франклина. А чтобы избежать санкций со стороны Ассамблеи, которые могут быть применены, поскольку газета издается зависимым подмастерьем брата, решили прекратить мой прежний контракт (с дубликатами), полностью рассчитав меня и указав об этом на обороте контракта, чтобы при случае можно было это все продемонстрировать. В то же время, я должен был подписать новый контракт, определяющий мои обязанности на оставшийся срок службы, и хранить этот контракт в тайне. Эта схема была очень сомнительной. Однако, её сразу же воплотили в жизнь, и газета продолжила свое существование, издаваясь несколько месяцев под моим именем.

В конце концов, даже с риском спровоцировать новые недоразумения с братом, я воспользовался случаем получить свободу, предположив, что он не осмелится обнародовать новый контракт. Конечно, это было нечестно с моей стороны - так корыстно пользоваться ситуацией. Теперь я считаю тот поступок первой серьезной ошибкой в жизни. Однако, нечестность этого поступка мало значила для меня. Ведь возмущенный последними событиями, брат слишком часто теперь сгонял свою злость на мне. На самом деле он не был плохим человеком, возможно, это я тогда был слишком дерзким и взял за привычку провоцировать его.

Узнав, что я собираюсь уйти от него, он приложил усилия, чтоб я не получил работу ни в одной другой типографии. Он ходил от одного мастера к другому и говорил с ними, после чего те, конечно, не брали меня на работу. Тогда я задумал уехать в Нью-Йорк - самый близкий город, в котором были другие типографии. Я

был склонен оставить Бостон, ведь понимал, что уже достаточно разозлил правящую партию. А имея пример произвола Ассамблеи в отношении моего брата, я боялся, что, если бы остался, мог бы быстро оказаться в неприятной ситуации. К тому же, мои выпады в сторону религии могли в глазах добрых людей сделать из меня безбожника или язычника. Я твердо решил уехать, но мой отец теперь был на стороне брата, и моя попытка уйти открыто могла закончиться помехами со стороны всей моей родни. Тогда мой друг Коллинз взялся немного помочь мне. Он договорился о моем проезде с капитаном нью-йоркского шлюпа, отрекомендовав меня как своего юного знакомого. Итак, я продал несколько своих книг, чтобы заработать немного денег, после чего меня тайно взяли на борт. Нам повезло с сильным ветром, благодаря ему я через три дня оказался уже в Нью-Йорке, в 300 милях от дома – парень семнадцати лет, без единой рекомендации, не зная ни души в городе и почти без гроша в кармане.